

Дважды во главе посольства Югославии в Москве: деятельность Велько Мичуновича в 1956–1958 гг. и 1969–1971 гг.

Деятельность крупного югославского дипломата времен первой холодной войны Запада и России/СССР, успешного государственного деятеля «второй», титовской Югославии черногорца Велько Мичуновича (1916–1982) уже привлекала внимание исследователей¹. Он заложил прочные основы своей последующей успешной политической карьеры на подпольной работе в рядах Коммунистической партии Югославии (КПЮ) на оккупированных югославских территориях в годы Второй мировой войны. Он был практически пожизненно защищен от всех политических невзгод участием в антифашистской партизанской борьбе во главе с И. Броз Тито². Во второй половине 1940-х годов Мичунович продолжил восхождение к вершинам нового режима из верхних эшелонов карательных органов коммунистической власти. Более двух десятилетий своей активной политической жизни он провел на дипломатической работе. В феврале 1952 г. он был переведен на службу во внешнеполитическое ведомство Федеративной Народной Республики Югославия (ФНРЮ) на ответственную должность одного из заместителей руководителя этого ведомства. Исследователи отмечали, что еще в последние месяцы руководства Э. Карделя деятельностью внешнеполитического ведомства ФНРЮ А. Ранкович «легализовал», с согласия Тито, присутствие в нем сотрудников югославской госбезопасности в рамках Координационного отдела. Этим «вторжением» югославских чекистов в дипломатию руководил именно заместитель Ранковича В. Мичунович³. В последующем он курировал в Государственном секретариате по иностранным делам (ГСИД) действия поли-

тической разведки в целом, а также весь комплекс вопросов, связанных с Советским Союзом и странами Восточной Европы. Мичунович дважды (в 1956–1958 гг. и 1969–1971 гг.) был послом Югославии в Советском Союзе, а в период между первым и вторым сроками службы в Москве являлся первым заместителем государственного секретаря по иностранным делам, служил послом в США (в 1962–1967 гг.), занимал (в 1967–1969 гг.) пост председателя Комитета по иностранным делам Скупщины Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ). Высшей точкой его карьеры стала должность члена Президиума СФРЮ от Черногории, доверенная ему с июля 1971 г., почти одновременно с выполнением (с сентября 1971 г.) обязанностей председателя Совета по делам внешней политики при этом органе. На этих постах Мичунович находился до отставки и выхода на пенсию в середине 1970-х годов.

Советское руководство внимательно наблюдало за деятельностью Мичуновича, начиная с послевоенных лет. Одно из первых упоминаний о нем, известных к настоящему времени (материалы о взаимодействии силовых структур двух стран до 1948 г. исследователям еще недоступны), встречается в секретном обзоре корреспондента ТАСС в Белграде его выступления на V съезде КПЮ в июле 1948 г., в котором он упомянут как «генерал Мичунович»⁴. С начала 1950-х годов (т.е. еще до назначения в Москву весной 1956 г.) Мичунович в должности заместителя главы внешнеполитического ведомства ФНРЮ периодически встречался в Белграде с советским послом В.А. Вальковым⁵.

Первый срок службы Мичуновича в СССР известен, прежде всего, благодаря бурному развитию советско-югославских контактов. Прибыв в Москву в конце марта 1956 г., он сразу стал активным участником разносторонних взаимоотношений руководящих кругов двух стран во время своего рода периода эйфории — резкого сближения двух режимов после XX съезда КПСС. Он был свидетелем и участником ярких событий во время официального визита в Советский Союз югославской государственно-партийной делегации в июне 1956 г. и в последующие месяцы, когда лидеры двух стран, Н.С. Хрущев и И. Броз Тито, встречались в самых разных форматах более

десятка раз — во время обмена полуофициальными визитами в сентябре—октябре и тайной встречи в начале ноября 1956 г. Тот бурный год завершился довольно острой полемикой и охлаждением взаимоотношений уже с середины ноября. За этим последовал непростой 1957-й год с его чередой сближений и провалов в отношениях, плавно перешедший в 1958-й — год нового конфликта. Он всё же не достиг остроты и интенсивности конфронтации двух режимов в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Всё это время, до октября 1958 г., и при любых обстоятельствах, югославский посол был желанным собеседником для советских руководителей, прежде всего и чаще всего для Хрущева. обстоятельные и доверительные беседы посла ФНРЮ в СССР и советского лидера продолжались до самого отъезда Мичуновича из Москвы⁶. В конце января 1960 г., после года пребывания в советской столице сменившего его Л. Мойсова, у Тито и его окружения имелись сведения (по итогам визита в СССР С. Вукмановича-Темпо) о том, что советское руководство сожалело об отъезде Мичуновича, считая, что при его участии обмен мнениями с Белградом был налажен должным образом⁷.

Второй срок службы Мичуновича в Москве (1969—1971 гг.) был не столь ярким и удачным для него, как первый. Значительно менее насыщенными событиями были и сами отношения между Москвой и Белградом в те годы. В отличие от первого срока московской службы, Мичунович редко встречался с советскими лидерами, не был замечен среди иностранных дипломатов в Москве, как ранее, когда мнение югославского посла высоко ценилось и было востребовано и его западными коллегами, и главами дипломатических миссий других стран. Одной из причин пониженной активности Мичуновича в этот раз было то, что к советскому руководству поступала достаточно противоречивая и даже негативная информация о его оценках внешней и внутренней политики страны пребывания. Советские представления того времени о деятельности Мичуновича, отражавшиеся в соответствующих информационных справках экспертов ЦК КПСС, были не всегда в его пользу. В 1969 г., перед его повторным назначением, он характеризовался положительно: «По наблюдениям советского посольства

в Белграде, Мичунович дружественно настроен в отношении Советского Союза, охотно идет на беседы с работниками сопосольства, высказывается за улучшение югославско-советских отношений, за расширение сотрудничества в различных областях, считая его взаимно полезным. Даже в период обострения отношений ..., в связи с событиями в Чехословакии, высказывался о необходимости нормализации и развития дружественных отношений. Думается, что он охотно вновь займет пост посла в СССР, т.к. неоднократно тепло вспоминал о стране и высказывал желание вновь поработать, если придется»⁸. Однако после нового приезда Мичуновича в Москву его отношения с советским руководством, прежде всего с Л.И. Брежневым, не сложились. Об этом свидетельствует, к примеру, почти жалоба югославских руководителей (Ф. Ходжи) в беседе с советским послом в Белграде в феврале 1970 г. на то, что советский лидер «долгое время не мог принять посла СФРЮ в Москве Мичуновича для вручения письма от И.Б. Тито». Объяснение советской стороны, что «задержка получилась из-за сильной занятости т. Брежнева в связи с подготовкой к съезду колхозников, а также в связи с болезнью»⁹, прозвучало абсолютно неубедительно. Прохладное отношение к Мичуновичу, тем не менее, не помешало советскому руководству в апреле 1970 г. вручить ему юбилейную медаль в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина¹⁰.

Последующие характеристики, которые давались Мичуновичу во внутренних документах советских экспертов, показывали, что его деятельность и сам факт нахождения в Москве оценивались отрицательно. То, что югославский посол старался излагать своему руководству полную картину происходившего в СССР, не оставляло ему шансов на дальнейшее успешное выполнение его обязанностей. В одном из закрытых советских документов (январь 1971 г.) сообщалось, что «по имеющимся данным, В. Мичунович необъективно информирует югославское руководство, представляя дело так, что в Советском Союзе якобы с подозрительностью и недоверием относятся к внутренней и внешней политике Югославии, что в СССР не хотят строить отношения с СФРЮ и СКЮ (Союз комму-

нистов Югославии. — *А. Е.*) на равноправной основе». Особо было указано на то, что «в одном из своих донесений в Белград Мичунович сообщил, что ЦК КПСС систематически рассылает в партийные организации специальные бюллетени, в которых информирует членов КПСС о положении в Югославии». Комментарий посла о том, что «такая советская практика имела место во время чехословацких событий, что, по его словам, явилось психологической подготовкой к оккупации ЧССР...»¹¹, не мог не вызывать раздражения советских властей. Тезис о злонамеренных комментариях Мичуновича, отсылаемых им в Белград, повторялся при характеристике его действий в подобных советских документах и в последующем.

В мае 1971 г. эксперты ЦК КПСС обратили внимание своего начальства на высказывания Н. Минчева¹², который, обобщив «мнения дипломатов братских стран», пришел к выводу, что «югославское руководство усиливает разведывательную деятельность в странах-участницах Варшавского Договора». В доказательство этому были приведены примеры о том, что югославские эксперты, имевшие отношение к разведке, направляются на службу в социалистические страны. Приведя в виде примера назначение Мичуновича послом в Москву, Минчев напомнил, что тот «...после 1948 г. долгие годы был одним из руководящих деятелей разведки югославского МВД»¹³.

Отношения Мичуновича в должности посла с высшими советскими лидерами так и не наладились. И создавшаяся ситуация потребовала от Белграда его замены. Вместе с тем отзыв Мичуновича из Москвы по прошествии двух лет не был оптимальным решением. Выход из создавшейся ситуации, в итоге, был найден: Мичунович вернулся в Белград под благовидным предлогом избрания его в июле 1971 г. в состав Президиума СФРЮ от Черногории. В скором времени (с сентября 1971 г.) он стал и председателем Совета по делам внешней политики при Президиуме СФРЮ. Новые карьерные назначения, безусловно, заслуженные Мичуновичем всей его предыдущей деятельностью, помогли завершению второго срока службы в Москве, как представляется в настоящее время, весьма бесцветного периода политической карьеры Мичуновича-дипломата.

Оба пребывания Мичуновича в Москве нашли весьма подробное отражение в подготовленных им и изданных в Загребе в конце его жизни книгах с соответствующими названиями — «Московские годы»¹⁴. Первая книга, представлявшая собой весьма объемный том, имела огромный успех и была переведена на десятки европейских и несколько языков народов Азии. Вторая книга, значительно меньшая по объему и по насыщенности событиями, так и не получила серьезного признания ни у читателей, ни у историков. Ее издание не стало ярким событием, всего лишь напомнив о самом авторе и его первой книге, дав Мичуновичу возможность более подробно раскрыть историю ее создания¹⁵.

О бурной деятельности Мичуновича, развернутой им сразу же после приезда в Москву весной 1956 г., до недавних пор историки судили исключительно по подробным заметкам, изложенным в его первой книге в виде дневниковых записей. Получение с начала 2000-х годов исследователями истории коммунистической Югославии доступа к документам в архивохранилищах Белграда (Сербия) позволило выявить определенные несоответствия между опубликованными в этой книге свидетельствами Мичуновича и сведениями, содержащимися в выявленных и введенных в научный оборот документах (телеграммах, записях бесед, информационно-аналитических справках и докладах, подготовленных в свое время самим же Мичуновичем). Уже предварительные сопоставления подтверждали необходимость более внимательного и тщательного подхода к деталям событий, описанных им в его книге. Ни в коем случае не умаляя роли Мичуновича в советско-югославских отношениях 1956—1958 гг., яркости его увлекательных для чтения заметок и разносторонних наблюдений, изложенных в соответствующих записях, следует иметь в виду, что доступные архивные документы позволяют более взвешенно оценить его книжные тексты. Прежде всего отраженные в них настроения самого Мичуновича, брошенные им как бы вскользь комментарии и характеристики собеседников и событий, их деталей и нюансов. Наиболее известный пример из материалов 1956 г. — сравнение рассказа о советско-югославской встрече на Брионах в начале

ноября 1956 г. в его первой книге с обнаруженной нами в 2005 г. записью, сделанной Мичуновичем через несколько дней после события. Сопоставление этих двух документов показало, что наш герой, взяв за основу свою ноябрьскую (1956 г.) записку о встрече, значительно сократил ее текст и, в некоторых местах, отредактировал, стилизовал под запись в дневнике, поместив в таком виде в свою книгу¹⁶.

Можно предположить, что подобным образом Мичунович действовал неоднократно. Посты, занимаемые им после второго возвращения из Москвы, предполагали почти неограниченный доступ к документам закрытого характера, если не допускать того, что он, имевший до прихода в дипломатию опыт службы в карательных органах титовской Югославии, пренебрегал жесткими правилами работы с секретными документами и действительно вел личный дневник или оставлял у себя копии важнейших донесений и записок, направлявшихся им из Москвы в Белград. Вместе с тем, исключительно в виде предположения, можно допустить и то, что именно во второй, относительно спокойный и незаполненный важными событиями, свой срок службы в Москве во главе югославского посольства, Мичунович мог использовать имевшиеся у него возможности для отбора документов из секретного рабочего архива Посольства для своей первой книги.

Факты разночтения в освещении событий осени 1956 г. находят подтверждение и при сопоставлении версий событий, изложенных Мичуновичем в дневниковых записях его первой книги, с соответствующими документами, доступными к настоящему времени в советских и югославских архивах¹⁷.

Несомненно следует отдавать должное той важной роли, которую Мичунович, по стечению ряда обстоятельств, имел возможность сыграть во взаимных контактах Белграда и Москвы во второй половине 1950-х годов — и своей дипломатической работой, и написанной книгой о них. Вместе с тем научная добросовестность неизбежно вынуждает нас более активно вводить в оборот документы, созданные с его участием в те годы. С их помощью свидетельства Мичуновича, изложенные в его книгах, должны быть подвергнуты внимательному рас-

смотрению с целью необходимых сопоставлений на предмет определения их исторической точности в существенных деталях¹⁸. Дальнейшее выявление несоответствий и их объяснение позволят историкам углубленно рассмотреть отношения Белграда и Москвы в тот период, а также продвинуться еще на несколько шагов в понимании как отечественного, так и их мирового контекста, и, по возможности, помочь «выведению» по-прежнему многочисленных «белых пятен» и разрешению спорных вопросов истории советско-югославских отношений XX столетия.

Более подробное изучение деятельности Мичуновича позволяет, на наш взгляд, остановиться в настоящей статье на двух вопросах. Один из них — периодически вспыхивающее обсуждение вероятности и возможности советской интервенции в Югославию в годы конфликта между Белградом и Москвой после 1948 г. Второй — комплекс проблем, связанных с обстоятельствами смещения с поста министра обороны СССР Г.К. Жукова в конце октября 1957 г. после его визита в Югославию и Албанию, в том числе влияние этого события на последующую динамику советско-югославских отношений.

Представляется необходимым также перечислить и другие вопросы советско-югославских отношений в 1957 г., к которым имел отношение посол ФНРЮ в Москве Мичунович и которые также требуют дополнительного изучения с привлечением архивных документов. В их числе: китайские и советские усилия по созыву совещания руководителей компартий (начиная с первых недель 1957 г.); реакция Белграда на сложности советско-югославского финансово-экономического сотрудничества¹⁹, созданные Москвой после выступлений лидеров Югославии (И. Броз Тито на собрании партактива в Пуле и Э. Карделя на заседании Скупщины в Белграде) в ноябре-декабре 1956 г.; реакция И. Броз Тито на устранение из советского руководства так называемой «группы МКМ» (Маленкова, Кагановича и Молотова) в июне; организация, ход, результаты и последствия советско-югославской встречи на высшем уровне в Румынии в начале августа; особая позиция югославского руководства в мировом коммунистическом движении в последние месяцы

того года, как пролог второго советско-югославского конфликта в 1958 г.

Вопрос о возможности советской интервенции в Югославию во время конфликта конца 1940-х—начала 1950-х годов (предмет постоянных дискуссий на Западе²⁰) возвращен в фокус обсуждений отечественной и зарубежной историографии в 2011 г. Интерес к проблеме, так и не удовлетворенный исследователями в прошлом из-за отсутствия необходимого документального материала, сохранялся на протяжении десятилетий. Для очередной волны обсуждений было достаточно лишь нескольких упоминаний о готовившейся интервенции в фундаментальном академическом издании Института славяноведения РАН «Югославия в XX веке. Очерки политической истории». Было указано, что в 1957 г. маршал Г.К. Жуков подтвердил в беседе с руководителем Югославии Тито, что Советский Союз вместе с Венгрией и Румынией планировал совершить нападение на Югославию в 1951 г., после которого двум последним должна была отойти значительная часть югославской территории²¹.

Утверждение о словах Жукова не было подкреплено соответствующей ссылкой на источник, что потребовало от зарубежных историков отнестись более внимательно к его верификации. В ходе предпринятой вскоре удачной попытки известного исследователя истории внешней политики титовской Югославии А. Животича (с 2017 г. — профессор Белградского университета) разобраться (на основе доступных в настоящее время соответствующих документальных материалов, прежде всего оборонного ведомства ФНРЮ) в истории попытки возобновления советско-югославского военного и военнотехнического сотрудничества в 1957 г., связанной прежде всего с усилиями маршала Г.К. Жукова, так и не было обнаружено каких-либо свидетельств, подтверждающих, что упомянутое высказывание прославленного советского маршала в разговоре с югославским лидером имело место²². В пользу утверждения А.С. Аникеева Животич привел лишь слова Жукова Мичуновичу (из его первой книги «Московские годы», изданной в 1978 г.), якобы сказанные маршалом весной 1957 г. Но та беседа

(в версии Мичуновича в книге) не содержала высказывания Жукова о готовившемся нападении в 1951 г. Советский военачальник сделал акцент лишь на том, что при столкновении югославская армия была бы сметена в считаное число дней. Не было речи и о том, что с советской стороны были сделаны необходимые расчеты и планы военного разгрома Югославии. Следует также отметить, что по какой-то причине в дневниковых записях Мичуновича данный разговор, произошедший, как можно понять, еще в мае, не был незамедлительно оформлен соответствующей отдельной записью, а лишь упомянут позднее, 9 июня, в записи о подготовке приезда в СССР высокопоставленной югославской военной делегации²³.

Среди материалов о визите Жукова на Балканы в октябре 1957 г., доступных исследователям в Архиве Югославии (Белград) в коллекции Тито (в деле о приеме Жукова), нет ни записи беседы, ни даже рутинных материалов, обычно готовившихся в Секретариате президента ФНРЮ перед подобными встречами. В деле имеются только тексты здравниц, произнесенных главными участниками на обеде в честь советского гостя²⁴.

Как раз именно то обстоятельство, что югославский вариант записи этой встречи исследователям не известен, не позволяет безапелляционно утверждать, что Жуков не произносил фразы о планировавшейся в 1951 г. интервенции. Нельзя исключать того, что маршал, с начала 1948 г. находившийся на Урале, весьма далеко от Восточно-Средиземноморского театра возможного прямого соприкосновения войск двух противостоявших друг другу в тот момент военно-политических объединений, мог что-то слышать о подобных планах или ознакомиться с ними (если они действительно существовали и были документально оформлены) позднее, перед визитом в СССР секретаря по обороне ФНРЮ И. Гошняка, или уже перед своим ответным визитом в Югославию. Необходимы дальнейший поиск соответствующих документов в архивах и тщательное изучение любых материалов, связанных с подготовкой Жукова к переговорам с югославами в 1957 г.

В отчете Жукова, направленном им в виде пространной телеграммы от 16 октября советскому руководству с оценкой

своего пребывания в ФНРЮ, имеется раздел «О вооруженных силах Югославии». Содержащаяся в нем фраза о том, что Югославия «представляет из себя очень серьезную военную мощь, способную к длительной войне даже против значительно превосходящих сил противника», и поэтому «оценки Генерального штаба являются далеко неправильными и заниженными»²⁵, всего лишь подтверждает, что военный министр СССР во время подготовки к визиту знакомился с соответствующими материалами советского Генштаба, дававшими, как видно из его слов, приведенных выше, невысокую оценку югославским вооруженным силам. Однако с высокой долей определенности можно предполагать, что речь в этих материалах шла не о боеготовности вооруженных сил Югославии в недавнем прошлом (к примеру, в 1950–1951 гг.), а о Югославской народной армии (ЮНА) образца 1957 г.

О некоторых деталях самой встречи Жукова и Тито (12 октября 1957 г.) исследователям известно лишь из телеграмм самого советского военачальника, направлявшихся им из Югославии членам Президиума ЦК КПСС. В них, как известно, нет ничего о его словах в беседе с Тито по поводу интервенции в 1951 г. Вместе с тем по-прежнему неизвестно, вели ли адъютанты Жукова собственную запись этой встречи и сохранилась ли она. Не исключено, что ее текст мог быть уничтожен вместе с другими документами в день, когда Жуков, по возвращении из Тираны с аэродрома, отправился на заседание Президиума ЦК, а потом на дачу в Подмосковье — ждать проведения пленума ЦК КПСС.

Сенсационное (без приведения источника) утверждение в вышеупомянутых «Очерках...» о словах Жукова Тито стало поводом для возвращения российских авторов «К вопросу о планах военного вторжения в Югославию». Именно так был назван раздел обобщающего характера в одной из последних статей крупного отечественного исследователя истории стран Восточной Европы 1940-х годов Т.В. Волокитиной. В нем в концентрированном виде был дан обзор существующих современных точек зрения на проблему и показано состояние ее изученности²⁶. Как и ранее, основой для рассуждений стали,

в основном, исследования, использовавшие для изучения, за неимением аутентичных прямых документов по этому поводу, самые косвенные данные с упоминанием возможности вторжения в ФНРЮ войск стран советского блока. Общий вывод исследователя разделил мнение тех политологов-международников, которые полагают, что «вторжение в Югославию предстает как чистой воды авантюра, так как “реал-политик” и прагматик Сталин авантюристом не был». Поэтому, по мнению Т.В. Волокитиной, «...отнюдь не военная интервенция против Югославии, а, напротив, удержание сложившегося status quo на Балканах и на юге Европы являлись стратегической целью Москвы». Впрочем, итоговый вывод упомянутого обзора весьма осторожен: несмотря на разделяемую отрицательную позицию других авторов о вторжении, указывается, что это не исключает наличия «рабочих» материалов наступательного характера, готовившихся в советском Генштабе на случай резкого изменения обстановки, иметь которые должны соответствующие структуры, ответственные за готовность к военным действиям. Так и не поставив под сомнение сам факт подобного разговора Жукова с Тито, Т.В. Волокитина высказала предположение о том, что «это и имел в виду маршал Жуков, вспоминая в 1957 г. события начала 1950-х». Общий вывод автора оказался достаточно гибким, и с ним невозможно не согласиться: «... от оперативных разработок генштабистов до принятия на правительственном уровне конкретного решения о вторжении — “Дистанция огромного размера”. Современными исследователями наличия подобного решения не подтверждается»²⁷.

Разумеется, прискорбно констатировать, что отечественная историческая наука по прошествии почти семи десятков лет от произошедших событий продолжает абстрактным образом, без соответствующих документальных материалов как советских, так и стран-участниц советского лагеря, рассуждать о возможности интервенции при отсутствии ее необходимости. К тому же следует обратить внимание на то, что на протяжении уже почти 30 лет после краха коммунистических режимов в регионе соответствующие документы так и не обнаружены. Несомненно, что при их наличии такие материалы, безусловно,

были бы использованы сторонниками русофобских концепций об агрессивности и экспансионизме Советского Союза в годы холодной войны. Поэтому их отсутствие как раз скорее свидетельствует в пользу того, что или вторжения в ФНРЮ не планировалось, или имелись планы исключительно на случай горячей фазы холодной войны, где основным противником армий «лагеря демократии, мира и социализма» точно не был бы «фашистский режим Тито—Ранковича». Тем не менее представляется важным подобное периодическое обсуждение этой проблемы и на абстрактно-теоретическом уровне. Вместе с тем, приветствуя возвращение к дискуссиям такого рода, следует напомнить, что точку в дискуссии могут поставить только соответствующие советские документы, которые (если они есть) должны быть изучены отечественными историками, хотя бы, для начала, военными.

Одним из путей последовательного раскрытия данной исторической загадки могло бы быть подробное знакомство с документацией, связанной с деятельностью советских военных советников в Болгарии, Венгрии и Румынии. Совпадение по времени решений Политбюро ЦК ВКП(б) от 18 ноября «О назначении главных и старших военных советников в болгарскую, венгерскую и румынскую армии» и постановления Политбюро от 20 ноября «О наведении порядка в деле обеспечения государственных секретов при обучении военнослужащих армий стран народной демократии в академиях и училищах МВС (Министерство вооруженных сил. — А. Е.) СССР» с проведением третьего совещания Информбюро (15–17 ноября 1949 г.) может быть не случайным. Особенно если предположить, что принятие последнего было связано с зачисткой контактов югославской военной разведки среди курсантов из стран народных демократий, прежде всего, из Болгарии, обучавшихся в те годы в СССР. Поиск дальнейших совпадений и их тщательное рассмотрение с привлечением архивных документов — одна из ближайших задач возможных исследований в этой сфере²⁸. При этом, разумеется, необходимо, чтобы новым поводом для возобновления дискуссии о том, готовилась интервенция или нет, должны быть конкретные документальные свидетельства, соот-

ветствующим образом атрибутированные, но никак не спорные утверждения неуказанного, или неизвестного, происхождения.

Очевидная недоказанность утверждения о планировавшейся советской интервенции в Югославию, тем не менее, не снимает с исследователей обязанности продолжать изучение документов соответствующих периодов советско-югославских отношений. Этой цели может помочь и имеющаяся в Архиве Югославии (фонд ЦК СКЮ) пространная информационно-аналитическая записка «О некоторых вопросах внутренней и внешней политики СССР (август–сентябрь–октябрь 1957 г.), подписанная «Посол В. Мичунович, Москва», с указанием даты подготовки материала: «25–28 октября 1957 г.»²⁹.

Документ остался на периферии внимания историков, углублявшихся в изучение этого периода отношений Белграда и Москвы. Отказ от его использования (и даже упоминания), по всей вероятности, связан с рядом обстоятельств, зависящих прежде всего как от состояния источниковой базы, так и от избранных исследователями концепций рассмотрения советско-югославских отношений в 1957 г. Так, к примеру, внимательное изучение возможного сближения Москвы и Белграда в связи с визитом в ФНРЮ Жукова выходило за рамки предложенной британским исследователем сербского происхождения С. Раяком и настойчиво доказываемой им всеми доступными ему возможностями (включая и игнорирование фактов и документов) гипотезы о неотвратимости конфронтации Белграда и Москвы после выступления И. Броз Тито в Пуле и его публикации в югославских СМИ в ноябре 1956 г.³⁰. Тогда как для остальных исследователей, углубленно занимавшихся изучением этого периода (Д. Богетич, Д. Трипкович, А. Животич), документ, по всей вероятности, не представлял специального интереса в связи с доступом, как казалось в начале 2000-х годов, к более важным материалам «архива Тито», фонда «Строго доверительно» архива внешнеполитического ведомства Югославии или, уже в наши дни, оборонного ведомства ФНРЮ. Указанная архивная революция в изучении внешней политики коммунистического режима титовской Югославии обоснованно, но лишь временно, снизила для исследователей значение документов из фондов

ЦК СКЮ. До настоящего времени данный документ объемом в 18 выцветших страниц с бледным, сложным для прочтения текстом является серьезным источником, помогающим пролить дополнительный свет на восприятие югославской стороной факта и обстоятельств отстранения Г.К. Жукова с высших советских постов уже в самые первые дни после случившегося, излагая консолидированное понимание происходящего всеми службами посольства ФНРЮ в Москве.

Объемный документ раскрывает все особенности аналитической работы аппарата посольства ФНРЮ в Москве во главе с В. Мичуновичем. Он также дает возможность получить более полное представление о формировании, по сути, в режиме актуального времени, оценок послом и аппаратом посольства событий конца октября 1957 г., происходивших в советской верхушке применительно к двусторонним отношениям. Назначение материала указано в его введении: «Доклад подготовлен как справочный в связи с поездкой в СССР югославской государственно-партийной делегации для празднования 40-летия Октябрьской революции. Он содержит сведения информационного характера и наши комментарии по следующим вопросам. I. Из внутренней политики СССР после июньского пленума ЦК: 1) Новые социально-экономические меры ЦК и советского правительства; 2) Научно-технические открытия в СССР; 3) О позициях ЦК КПСС по идеологическим и политическим вопросам и некоторым негативным явлениям во внутренней политике; 4) По поводу смещения маршала Жукова. II. Из внешней политики СССР: 1) Отношения СССР—США в августе—октябре 1957 г.; 2) Кризис вокруг Сирии. III. О югославо-советских отношениях (август—октябрь 1957 г.): 1) В связи со встречей в Румынии 1—2 августа 1957 г.; 2) Позиция советской печати в отношении Югославии; 3) Издательская деятельность в СССР в связи с Югославией; 4) О контактах посольства с советскими представителями по некоторым вопросам государственных отношений. IV. О вопросе отношений СССР и лагеря и совещании ком[мунистических]партий в Москве: 1) Отношения СССР и некоторых стран лагеря; 2) О совещании ком.партий в Москве в связи празднованием 40-летия Октябрьской революции».

Любой из перечисленных разделов крайне важен. Наибольшую ценность, на наш взгляд, представляет та его часть, которая посвящена оценке событий и обстоятельств, связанных со смещением Г.К. Жукова, дописанная Мичуновичем уже после завершения подготовки справки 23 октября. Именно об этом свидетельствует необычная для подобных материалов вторая его дата. Крайне интересны оценки Мичуновичем деятельности Жукова и влияния его отставки на советско-югославские отношения. В своих мемуарах Мичунович представил косвенным образом это смещение как препятствие развитию югославско-советского военного сотрудничества, с которым югославской стороне пришлось временно смириться³¹. Очевидно, что именно события, связанные со смещением Жукова, оказали существенное, возможно, и решающее влияние на то, что привязка Югославии к советским поставкам современной военной техники была отложена на несколько лет. Семена новых военных связей двух стран, заложенные Жуковым в 1957 г., дали всходы уже в конце 1961 г. — первой половине 1962 г. При этом быстро и неожиданно не только для дипломатов, но и для экспертов на Западе, включая даже и военных атташе миссий стран НАТО в Белграде³².

Как видно из документа, Мичунович считал, что смещение Жукова лишь усилило отрицательные, по его мнению, последствия сохранения во властной верхушке СССР Н.А. Булганина и К.Е. Ворошилова. Авторы записки утверждали, что «у Булганина и подобных ему было достаточно оснований с большим удовольствием пойти на устранение Жукова». Именно этот вывод сделал сам Мичунович, услышав от Хрущева слова о «полном единстве членов Президиума» на заседании 26 октября и о том, что Жуков плел интриги в отношении Булганина после июньского пленума. После этого Мичунович уверился в справедливости утверждений о том, что Булганин был за устранение Жукова «больше всех не только потому, что боялся его больше остальных», но и рассчитывал спровоцировать «новый кризис» в целях укрепления собственных позиций и «ослабить позиции Хрущева как в народе, так и в руководстве». Мичунович полагал, что в результате случившегося Хрущёв оказался

«более зависим от Булганина и Ворошилова и подобных им, чем прежде». По его мнению, падение Жукова ослабило Хрущева, и он предсказывал, что укрепление позиций Булганина окажет отрицательное воздействие на дальнейшую политику Хрущева. Сохраняющуюся непрочность позиций советского лидера (несмотря на заметные успехи в его экономической политике) Мичунович связывал с низкой популярностью Хрущева из-за таких особенностей его личности как отсутствие меры, оскорбительное поведение и переменчивость характера. По его мнению, эти черты находили выражение в слишком частых публичных выступлениях Хрущева, которые он не любит заранее готовить, а считает возможным «говорить слишком много и часто», что единственное и остается в памяти именно из-за особенностей его характера. При этом Мичунович считал, что после устранения Жукова Хрущев окажется менее популярным. Если ранее его не осуждали за действия по устранению противников в советских верхах, которые признавались и правомерными, и вынужденными, то методы, использованные при снятии Жукова, напомнили прежние, сталинские («методы прошлого»), что, как полагал посол, вряд ли будет способствовать популярности Хрущева. При этом Мичунович не был уверен в том, что действия против Жукова найдут поддержку в обществе, и не исключал возможности того, что произошедшее «приведет к деморализации партии и народа»³³.

Большое значение имел и четвертый параграф указанного раздела. У автора документа не было подтверждений в справедливости обвинений в адрес Жукова относительно того, что он «на самом деле имел намерение силой прийти к власти». Мичунович особо оговорил, что Хрущев «никогда не был столь неубедителен, как во время разговора 26 октября, сообщая о причинах решения ЦК сместить Жукова». Посол подчеркнул, что «из всего того, что мне было сказано, весомым было лишь заявление Хрущева о том, что Жуков в июне (т.е. когда группа МКМ пыталась сместить Хрущева)... за спиной ЦК угрожал призвать армию и навести порядок»³⁴. Одновременно с этим автор также обратил внимание адресатов записки на слова советского лидера о том, что, «прославляя и восхваляя Жукова, Запад действовал

сознательно, с намерением подхлестнуть его амбиции». В итоге, считал Хрущев, Жуков «потерял голову и начал считать, что он — «выше Партии». После этих слов Мичунович довольно саркастически заметил, что «посольство пока не в состоянии оценить, кто в действительности — сам ли Жуков или Президиум ЦК — попал под влияние этой западной кампании о всемогуществе Жукова». Далее Мичунович пояснил: «Мы еще не в состоянии оценить ..., сам ли Жуков действительно угрожал взять власть, или Хрущев и остальные оказались под влиянием кампании Запада... и решили сместить Жукова». Посол также советовал учитывать общий контекст («общие обстоятельства случившегося») — не сбрасывать со счетов атмосферу «недоверия, взаимозависимости и даже враждебности, существующую внутри советской властной верхушки», что и могло ускорить принятие таких решений.

Мичунович не изменил своим прежним сообщениям в Белград о высоком авторитете в Советском Союзе смещенного министра обороны: «Всё, что до этого сообщалось нами, ...мы считаем обоснованным и соответствовавшим действительности». Подчеркнув, что «в основе авторитета Жукова были его заслуги в войне», Мичунович обратил внимание на его слабые аппаратные позиции в советской властной верхушке, на отсутствие у маршала опыта партийной работы и то, что он «пренебрегал политической деятельностью». Сам Мичунович относился к этому «недостатку» противоречиво. Признавая, что эти обстоятельства «оказали влияние на снижение авторитета Жукова в партии», он одновременно полагал, что перечисленные «недостатки» помогли маршалу сохранить свою репутацию. Посол также напомнил о том, что в СССР «маршалы в мирное время стоят значительно ниже членов Президиума ЦК». Мичунович напомнил в связи с этим сцену в июне 1956 г., во время визита югославской делегации в Сталинград, когда маршал Еременко целовал руку Микояну. Посол чеканно сформулировал: «Каждый член ЦК или даже кандидат в него, по советскому внутреннему протоколу, имеет преимущество перед маршалом, если тот в ЦК не избран».

Специально Мичунович остановился на обобщении и анализе комментариев, звучавших в Москве среди жителей Москвы: «За эти два дня ... большинство первых комментариев, ко-

торые мы слышали от обычных людей, звучали с упоминанием возможности дальнейшего возвышения Жукова, ожиданий его назначения председателем Правительства вместо Булганина». Мичунович, сохраняя верность тому разделению советского общества, которое озвучил Тито в выступлении в Пуле в начале ноября 1956 г., обратил внимание на то, что «против Жукова до сих пор не выступали ни сталинисты, ни антисталинисты». Посол также придавал определенное значение услышанным югославами в Москве комментариям о том, что «в огромной мере Жуков умножил собственный авторитет своим поведением и сыгранной ролью на июньском (1957 г.) пленуме ЦК. А также и последующими публичными выступлениями против группы Молотова—Маленкова, что явилось подлинной причиной его устранения». В виде примера посол привел период пребывания Хрущева и Булганина в Чехословакии в июле 1957 г., когда именно Жуков, а не Микоян или кто-либо еще из советского руководства, оказался единственным уполномоченным на выступления в СССР от имени ЦК и правительства. Именно к этому периоду Мичунович отнес несколько острых высказываний Жукова против группы МКМ и всех «нарушивших единство партии», связав их с отрицательным прошлым этих лиц во времена Сталина.

Особое внимание Центра посол также привлек и к тому, что всего лишь через три месяца после событий июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС Жуков был «вынужден уйти при сходных лозунгах о единстве партии». «Нет сомнения, — указал Мичунович, — что решение о снятии Жукова ... окажется значительно менее убедительным, чем любое подобное решение руководства (Хрущева) после смерти Сталина»³⁵.

Предположение о том, что Хрушев, несомненно, осознает личную популярность маршала, а также «последствия предпринятых им действий против Жукова», Мичунович основывал на разговоре с Хрущевым, который, по его словам, убеждал посла в том, что «у них не было иного выхода, что он этого не хотел, что партия выйдет из создавшейся ситуации более сильной, и что она не может зависеть от прихотей одного маршала, считающего возможным использовать армию по собственному

желанию». Мичунович докладывал, что Хрущев упоминал об опасности негативного восприятия падения Жукова и за рубежом, так как это может сказаться на отношениях СССР с остальным миром. «Хотя я и заметил у Хрущева определенно выраженное стремление демонстрировать самоуверенность и принизить значение случившегося, — писал Мичунович, — всё же следует считаться с тем, что и советское руководство понимает серьезность созданной ситуации. Тот факт, что Жуков находился в Югославии и Албании на протяжении 20 дней и что до этого провел месяц в отпуске, совершенно не представляя, какая участь ему готовится, указал Мичунович, свидетельствует, что «он даже ни одной секунды не готовил того, что сейчас совершено в отношении него другими». Сделав столь серьезный вывод в пользу Жукова, посол предусмотрительно оговорил, что «подоплека всего случившегося посольству известна недостаточно хорошо».

С особой тщательностью Мичунович (пункт 6 раздела о смещении Жукова) отнесся к тому, что сотрудники посольства услышали в комментариях дипломатов в Москве, прозвучавших в первые часы после смещения Жукова. По его словам, в дипломатическом корпусе с самого начала поверили в версию о «ликвидации Жукова в связи с его визитом в Югославию». Мичунович считал возможным, что эта версия может «по нарастающей распространяться и в мире, и в Советском Союзе», напомнив о том, как Хрущев, Микоян и Булганин в разговорах с ним 26 октября уделили много времени тому, чтобы убедить югославскую сторону в необоснованности таких рассуждений, называя случившееся «исключительно их внутренним делом». Собеседники Мичуновича напомнили, что на заседании Президиума ЦК с участием Жукова его визит в Югославию был назван «полезным и успешным». Мичунович обратил особое внимание Белграда на эти аргументы, предсказывая, что именно данная версия будет доминирующей после приезда югославской делегации в Москву на праздничные торжества 7 ноября. По мнению посла, то, что при снятии Жукова Хрущев использовал ранее им же самим отброшенные «сталинские методы расправы над политическими оппонентами, ...

проливает особый свет на современное состояние и все колебания нынешнего политического курса в управлении СССР». По мнению Мичуновича, у Хрущева не получается по-новому решать возникающие на его пути политические проблемы и стабилизировать ситуацию.

Несмотря на очевидно благосклонное отношение к Жукову, которое проглядывало через данную часть документа, посол, тем не менее, напомнил, что и по вопросам отношений с внешним миром в целом, и с Югославией в отдельности сам Жуков «не особенно отличался в каком-то позитивном смысле от других советских руководителей ... даже наоборот, из-за своей открытости, он был зачастую даже более груб в сравнении с другими ... и говорил нам то, что они (и он сам, и другие) здесь думали о нас». В качестве примера Мичунович привел слова Жукова, сказанные военному атташе ФНРЮ в Москве, полковнику С. Поповичу на корабле во время недавнего плавания в Югославию.

С учетом важности темы (дискуссии по поводу возможности вторжения в Югославию стран советского лагеря во время конфликта 1948—1953 гг.) представляется важным передать слова и комментарии Мичуновича приведенного Жуковым сравнения советской и югославской армий более подробно. По утверждению посла, Жуков в разговоре с Поповичем сказал, что в 1948 г. конфликт случился «из-за капризов на уровне руководства и исключительно двух человек» (т.е. Сталина и Тито. — *А. Е.*), и советская армия покорила бы Югославию за шесть дней, и даже за три дня. Сокращение срока вдвое, по приведенному Мичуновичем мнению югославского военного атташе, было сделано Жуковым потому, что советский маршал, сказав фразу «о шести днях», решил, как показалось Поповичу, что этот срок не отражает в достаточной мере могущество СССР и югославскую незначительность, и исправил шесть на три. Впрочем, и эта фраза, сказанная Жуковым Поповичу (в передаче Мичуновича), не может служить бесспорным доказательством того, что советская интервенция в Югославию действительно готовилась. Она всего лишь позволяет предполагать, что, просчитывая варианты обострения военно-политической ситуации в мире, советские военные стратеги считались с теми обязательствами, которые

Югославия имела в отношении соседних стран-членов блока НАТО, а те, в свою очередь, в отношении Белграда. В пользу этого говорит следующее за этим в документе замечание Мичуновича о высказываниях Жукова по поводу участия Югославии в Балканском пакте. Этот альянс советский министр, по его словам, не отличал от иных военно-политических союзов Запада, указывая, что Югославия зависит и будет зависеть от того, чью помощь она принимает³⁶.

Именно после доведения до сведения руководства Югославии разговора Жукова с Поповичем и оставив в стороне все высказанные до этого комплиментарные характеристики Жукова, Мичунович, используя местоимение «мы» (означавшее в данном случае, что автор записки выражает консолидированное мнение сотрудников посольства ФНРЮ в Москве, в том числе и упоминавшегося выше военного атташе Поповича), сформулировал следующее: «Не следует особо выделять Жукова из других советских руководителей, если иметь ввиду отношение к Югославии..., а тем более делать из Жукова какого-то нашего друга». Он предложил «отнестись к его смещению как ко внутреннему делу Советского Союза». Заключительные абзацы данного раздела документа подкрепляли этот тезис. Мичунович считал необходимым, чтобы югославское руководство в очередной раз (как и во всех подобных случаях, начиная с устранения Л.П. Берии в июле 1953 г. — *А. Е.*) признало произошедшее внутренним делом советского руководства и «забыло всё, что было в контактах с Жуковым до этого».

К рекомендации посла в Белграде прислушались. Разумеется, Тито и его ближайшее окружение (прежде всего военные) были огорчены сверх меры поступавшими сообщениями из Москвы. Вместе с тем устоявшаяся в российской историографии версия о том, что «настроение югославского маршала было омрачено вестью о смещении Жукова, которого он за несколько дней до этого принимал как высокого гостя и не был проинформирован о его готовившемся смещении», и он отказался от поездки в Москву во главе югославской делегации для участия в торжествах по случаю советского праздника 7 ноября и последующих встречах³⁷, нуждается в дополнительном рассмотрении.

Действительно, если Жуков во время встречи с Тито и остальными высокопоставленными югославскими руководителями открыто высказывался именно так, как он изложил в отчете о пребывании в Югославии Президиуму ЦК КПСС, то югославский лидер, несомненно, был огорчен сверх всякой меры вестью о снятии Жукова с высших советских постов. Вместе с тем, по свидетельству самого Мичуновича (в его первой книге), еще 2 октября, во время разговора с Ю.В. Андроповым (при передаче югославам части архива Коминтерна), его визави уже было известно о болезни югославского лидера и невозможности его поездки в Москву в начале ноября³⁸. Впрочем, если быть последовательным, то и это утверждение югославского посла, отраженное в его книжных записках, должно быть проверено и советскими, и югославскими документальными материалами конца сентября-начала октября 1957 г. Не следует упускать из вида также и влияние на замену в составе югославской делегации хода и результатов специальной поездки в Белград Б.Н. Пономарева и Ю.В. Андропова (беседы с югославскими руководителями 15 и 18 октября)³⁹, как и ряда других возможных факторов, повлиявших на решение Тито отмечать 40-летие октябрьских событий в России не в Москве, а в Белграде.

Пример данного документа в очередной раз подтверждает важность изучения материалов, созданных Мичуновичем во время работы во главе посольства ФНРЮ в Москве, приоткрывает завесу над тем, с каким информационным багажом и представлениями о ситуации в советской правящей верхушке и положении в СССР в целом приехала в Москву в начале ноября 1957 г. югославская партийно-правительственная делегация во главе с Э. Карделем.

Приведенный нами документ, позволяющий получить дополнительные знания о методике и практической деятельности по составлению Мичуновичем важнейших донесений из Москвы во второй половине 1950-х годов, представляет также особую ценность и тем, что дает возможность увидеть ход работы над ним в обстоятельствах, когда события (смещение Жукова) потребовали корректировки созданного текста, что в очередной раз подтверждает недюжинные способности Мичуновича

излагать и редактировать свои соображения в условиях реального времени. В нем дан взгляд информированного наблюдателя на причины смещения Жукова при общей негативной оценке произошедшего. В документе нет и намек на то, что Мичунович был информирован, что Жуков обладал каким-то реальным знанием о планах советского вторжения в Югославию в годы первого советско-югославского конфликта. Вне всякого сомнения, если бы югославский посол знал о таком факте в связи с Жуковым, то в условиях нехватки информации для оценки смещения советского министра обороны и влияния столь неожиданного события на общую ситуацию в СССР и дальнейшее развитие советско-югославских отношений, можно не сомневаться в том, что Мичунович непременно упомянул бы о нём. Тем не менее, приведенные им в документе сведения об откровенном отношении Жукова к Югославии не дают серьезных дополнительных аргументов в поддержку или опровержение версии о подготовке вторжения в Югославию в начале 1950-х годов. В то же время содержание документа в очередной раз подтверждает необходимость выявления и изучения всего корпуса материалов, созданных Мичуновичем в годы работы послом Югославии в Москве, для дальнейших исследований советско-югославских связей в этот период.

Примечания

¹ Едемский А.Б. Два Велько из титовского окружения // Черногорцы в России. М., 2011. С. 292–296; Трипковић Ђ. Велько Мичуновић — два различита искуства из дипломатских путовања // Југословенска дипломатија 1945–1961. Зборник радова. Београд, 2012. С. 242–255.

² Подробные сведения, которыми располагало о Мичуновиче советское руководство в мае 1955 г., приведены в двух уникальных документах — персональных справках о нем, подготовленных в Комитете информации МИД СССР и ПГУ КГБ СССР. Опубликованы в: Черногорцы в России. М., 2011. С. 296–299.

³ Петковић Р. Субјективна историја југословенске дипломатије 1943–1991. Београд, 1995. С. 41, 126.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-4459. Оп. 38. Д. 181. Сов.секретно. 25.VII.48 г. Вестник иностранной служебной информации ТАСС «ОЗП» № 188 листы 01–03зп. На пятом съезде компартии Югославии. Прения по докладу ЦК. Выступление делегата Мичуновича.

⁵ Определенная часть отчетов об этих встречах, хранящихся в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), по-прежнему не введена в научный оборот. Некоторые материалы (в югославской версии) содержатся в соответствующей документальной публикации, подготовленной в Черногории Р. Лубуричем.

См.: Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a 1953–1955. Tematska zbirka dokumenata / Priredio Radoica Luburić. Podgorica, 1999. S. 179–181.

⁶ *Tripković Đ.* Jugoslavija — SSSR 1956–1971. Beograd, 2013. S. 94.

⁷ Arhiv Jugoslavije (далее — AJ). KPR. II-2/178: U Užičkoj 15. 28. januara 1960. Izveštaj druga Svetozara Vukmanovića —Tempa o putu i boravku u SSSR. S. 21.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Д. 100. Л. 43.

⁹ Там же. Л. 34. Выписка из записи беседы с Фадилом Ходжей.

¹⁰ Там же. Л. 28. Выписка из постановления Президиума Верховного Совета СССР от 19.4.1970 г. №5022-VII.

¹¹ Там же. Л. 19.

¹² Николай Минчев — посол Болгарии в СФРЮ с 10.07.1972 г. до 1975 г. После 1976 г. — заместитель главы МИД НР Болгарии. Автор благодарен Марианне Стамовой (Институт балканологии БАН) за консультацию.

¹³ РГАСПИ. Ф. 495. Д. 100. Л. 14. Выписка из записи беседы с Н. Минчевым (вх. № 16771 от 05.05.1971 г.).

¹⁴ *Mičunović V.* Moskovske godine 1956/1958. Beograd, 1978; *Mičunović V.* Moskovske godine 1969/1971. Beograd, 1984.

¹⁵ Определенный интерес представляет история подготовки первой книги Мичуновича, описанная им самим в предисловии к его второй книге. В нем автор уделит большое внимание истории сохранения его «московских дневников» 1956–1958 гг. и описанию процесса подготовки их к публикации. Изложенное дает основание предполагать, что в книгу, по меньшей мере, могут закрасться определенные неточности. Сам Мичунович утверждал, что работа над ней с начала 1970-х годов продолжалась до марта 1977 г. Автор перепечатывал рукопись уже в частично парализованном состоянии после инсульта в августе 1974 г. Последние правки были внесены при подготовке текста к публикации в издательстве Университета Загреб «Liber» с мая до августа 1977 г. (*Mičunović V.* Moskovske godine 1969/1971. Beograd, 1984. S. 41, 46–48, 50, 52–53). Не следует исключать, что коррективы могли быть внесены на всех стадиях работы над рукописью. Это особенно заметно во введении книги.

¹⁶ *Едемский А.Б.* По следам секретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956 г. // Славянский альманах. 2010. М., 2011. С. 462–488.

¹⁷ Черногорцы в России. С. 391–395. Можно смело высказать предположение: то же самое происходило при подготовке Мичуновичем и его второй книги (о пребывании в Москве в 1969–1971 гг.). Вместе с тем в работах постюгославских, прежде всего сербских, исследователей, уделявших внимание вопросам советско-югославских отношений на рубеже 1960–1970-х годов, еще не выявлено особо существенных донесений Мичуновича, направленных им в Белград во время второго срока службы в Москве. Это затрудняет пока верификацию данных, представленных им во второй книге. Отечественные историки, в еще меньшей мере занимавшиеся этим периодом, чем их зарубежные коллеги, имеют перед собой достаточно обширное поле для проведения сопоставлений.

¹⁸ Сомнения в безусловной научной ценности первой книги В. Мичуновича у отечественных историков появились еще в момент подробного ознакомления с ней. Авторитетный отечественный исследователь Л.Я. Гибианский достаточно давно высказал мнение относительно того, что книга «Московские годы» является не отредактированными дневниками, а мемуарами (*Гибианский Л.Я.* Н.С. Хрущев, Й. Броз Тито и венгерский кризис 1956 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 10–29.).

¹⁹ Эти вопросы обсуждались Мичуновичем в беседе с Хрущевым 19 февраля 1957 г. Подготовленный им по ее итогам материал — донесение в Белград о беседе и анализ ее содержания (Раздел III. Выводы) — является характерным примером

информационно-аналитической работы высочайшего уровня, обычного для югославской дипломатии того времени. Опубликовано в переводе на русский язык в кн.: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 1. 1946–1964. Документы. М., 2014. С. 287–301.

²⁰ Последний удачный обзор современной западной историографии, с учетом документальных материалов ЦРУ, дан директором Программы изучения холодной войны Гарвардского университета (США) М. Крамером. См.: *Kramer M. Stalin, the Split with Yugoslavia, the Soviet–East European Efforts to Reassert Control // The Balkans in the Cold War / eds. Konstantina E. Botsiou et al. Palgrave Macmillan, 2017. P. 34–27, 53–55.*

²¹ Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 620 (автор очерка — А.С. Анিকেев). К сожалению, эти слова Г.К. Жукова не были подтверждены соответствующей ссылкой на архивный документ, на мемуары или хотя бы на любой иной печатный источник. В том же издании автор повторно указал на возможность вторжения, подкрепив, на этот раз, свой тезис ссылкой на материалы французских военных, получавших информацию из Венгрии, а также на мнение американских дипломатов, не исключавших нападения на Югославию со стороны соседних с ней стран советского блока. После этого последовала оговорка А.С. Анিকেева о том, что загадка может быть решена «с открытием части российских архивов, содержащих материалы по этим проблемам», казалось бы, ставящая под сомнение предыдущие утверждения этого же автора (там же).

²² *Животић А.* Успон и пад југословенско-советских војних односа 1957 // Токови историје. 1/2014. С. 105–133. Также в научной монографии того же автора: *Животић А.* Југословенско-советске војне супротности (1947–1957). Искушења савезништва. Београд, 2015. С. 179–224.

²³ Представляется более чем странным и уточнение Мичуновича, что разговор с советским министром произошел «во время ответного визита» Жукова в югославское посольство в Москве. Использование термина «визит» в отношении посещения министром посольства лишь укрепляет подозрение в том, что текст записей Мичуновича, скорее всего, редактировался лицом, не особенно сведущим в тонкостях дипломатического протокола (*Mičunović V.* *Moskovske godine 1956/1958.* Београд, 1978. С. 296–297).

²⁴ АЈ. КРР. I-3-a/101-18.

²⁵ Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. / Научный редактор В. Наумов. М., 2001. С. 174.

²⁶ Среди работ отечественных исследователей, включенных в обзор: *Медведев А.* Секретный десант // Совершенно секретно. 1990. № 11; *Васильева Н., Гаврилов В.* Балканский тупик? Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000; *Гаврилов В., Васильева Н.* «Пороховой погреб Европы» // Военно-промышленный курьер. Общероссийская газета. 2006. № 2. 18 января; *Романенко С.А.* Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». М., 2010 и др.

²⁷ *Волокитина Т.В.* От конфронтации до нормализации. Болгария и советско-югославский конфликт, 1948–1956 гг. // Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока 1948–1953 гг. Очерки истории. М.-СПб., 2017. С. 189.

²⁸ К большому сожалению, после выполнения в 2012–2014 гг. масштабного исследовательского проекта «Советско-югославский конфликт и страны “народной демократии”. 1948–1953 гг.» за счет исследовательского гранта РФНФ №12-01-00125 (руководитель — А.С. Анিকেев) и публикации его результатов в объемном издании «Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока 1948–1953 гг. Очерки истории» (М.-СПб., 2017), финансирование исследования данной темы скорее всего окажется на долгие годы закрытым. Положение представляется неблагоприятным, так как в собственно советско-юго-

славской части выполненного проекта и издания (там же. С. 15–104) обобщены и «введены в научный оборот» во многом те советские материалы, которые были выявлены задолго до этого. Ряд из цитируемых документов, представленных как новые находки, был в 1990-е годы уже не только выявлен, но и опубликован как документы из Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). С учетом этого представляется крайне важным, чтобы тематика советско-югославского конфликта 1948 г. и связанных с ним событий до марта 1953 г. не воспринималась при рассмотрении последующих запросов исследователей на финансирование как окончательно изученная. При признании несомненной пользы сделанных в упомянутом материале сборника обобщений, необходимо констатировать, что задачи выявления, изучения и введения в научный оборот действительно новых документов из российских архивов, уточнение периодизации конфликта, форм и способов координации действий Москвы с союзными ей режимами — соседями Югославии, а также изучение тактических шагов и стратегического курса Кремля в отношении Белграда по-прежнему ждут решения.

²⁹ AJ. F.507. IX. 119/II-55. O nekim pitanjima unutrašnje i spoljne politike SSSR-a (avgust-septembar-oktobar 1957 g.).

³⁰ *Rajak S.* Yugoslavia and the Soviet Union in the Early Cold War: Reconciliation, Comradeship, Confrontation, 1953–1957. P. 202.

³¹ Об этом в материале речь не идет. Но именно это подразумевалось Мичуновичем или следовало из его сообщения о том, что соответствующее письмо союзного секретаря по народной обороне ФНРЮ И. Гошняка, адресованное «министру народной обороны СССР, маршалу Г.К. Жукову», не было передано югославским военным атташе в Москве Савой Поповичем 28 октября. » (*Mičunović V.* Moskvske godine 1956/1958 Beograd, 1977. S. 360).

³² *Bogetić D.* Jugoslovensko-američki odnosi: 1961–1971. Beograd, 2012. S. 72.

³³ AJ. F. 507. IX. 119/II-55. O nekim pitanjima ... S. 8.

³⁴ Здесь фраза совпадает с тем, как указано в записи Мичуновича в его «дневнике» от 26 октября, где приведены слова Хрущева о том, что Жуков собирался обратиться к армии, воспользовавшись ею, чтобы «навести порядок». Вместе с этим в дневнике Мичунович привел слова Хрущева (их нет в рассматриваемом документе) о том, что партия никогда не допустит того, чтобы в должности министра армией командовал такой человек, как Жуков, считающий, что только от него зависит решение пригласить армию вмешаться во внутренние дела страны. (*Mičunović V.* Moskvske godine 1956/1958. S. 359).

³⁵ AJ. F.507. IX. 119/II-55. O nekim pitanjima ... S. 9.

³⁶ *Ibid.* S. 10.

³⁷ *Стыкалин А.С.* Руководство КПСС в поисках новых механизмов влияния на мировое коммунистическое движение... // Наследники Коминтерна. Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). М., 2012. С. 32.

³⁸ *Mičunović V.* Moskvske godine 1956/1958. S. 352.

³⁹ Подробнее о миссии см.: *Стыкалин А.С.* Руководство КПСС в поисках... С. 32. Записи бесед 15 и 18 октября 1957 г. впоследствии были разосланы по решению высшего советского руководства лидерам союзных КПСС коммунистических и рабочих партий. Известные ранее исследователям в немецком и венгерском переводах, они теперь доступны и в оригинале. См.: *Стыкалин А.С.* Секретная миссия Ю. В. Андропова и Б. Н. Пономарева в Белград в октябре 1957 г. (к истории подготовки большого московского совещания компартий) // Славянский альманах. М., 2015. № 3–4. С. 440–443.